

Пьеса
на 5 человек

Рейс в
Новодраченино

Николай Лакутин

16+

Николай Владимирович Лакутин

Рейс в Новодраченино.

Пьеса на 5 человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48427680

SelfPub; 2019

Аннотация

В далёкую местность с занимательным названием «Новодраченино» направляется автобус с пассажирами, собравшимися случайным образом. Они совершенно разные, из разных социальных слоёв, разных возрастов и с разными судьбами. Им, по сути, даже не о чем перекинуться словом друг с другом. Но после того как они это сделают, поменяются парадигмы и судьбы каждого из них.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора. Обложка книги разработана автором в дизайнерской программе и является интеллектуальной собственностью Николая Лакутина.

ВНИМАНИЕ! ВСЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ПЬЕСУ ЗАЩИЩЕНЫ ЗАКОНАМИ РОССИИ, МЕЖДУНАРОДНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ, И ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРУ. ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЕЁ ИЗДАНИЕ И ПЕРЕИЗДАНИЕ, РАЗМНОЖЕНИЕ, ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ, ПЕРЕВОД НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕКСТ ПЬЕСЫ ПРИ ПОСТАНОВКЕ БЕЗ ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА. ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЯМОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ АВТОРОМ И ТЕАТРОМ.

Драматическая комедия на пять актёров.

Продолжительность 1 час 30 минут

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СТЕПАН

– приятный, неглупый мужчина около 50 лет. Водитель рейсового автобуса.

ТАМАРА – жена около 50 лет. Пассажир, едущий в один конец навсегда.

ГОША – известный в стране музыкант около 30-35 лет. Богатый завидный жених.

НИКОЛАЙ – деревенский мужик, около 45 лет, плотного телосложения, весельчак.

ЛЮБА – толстая деревенская многострадальная девушка
22-х лет, выглядит примерно на 30-35 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ОСТАНОВКА

Вокзал одного из городов Алтайского края России.

Маршрутный автобус уже стоит на остановке с открытыми дверьми.

За стеклом автобуса красуется надпись «Новодраченино».

Водитель автобуса курит уже не первую сигарету, стоит у открытых дверей, уставшего от дальних и частых поездок авто.

В автобусе сидит лишь один пассажир, Тамара.

Водитель, Степан, бросает осторожные взгляды в её сторону, обратив внимание на печальный вид пассажирки.

Женщина всё это время смотрит в окно, не переводя взгляда.

К автобусу подбегает запыхавшийся Гоша.

ГОША (водителю): Успел, слава Богу. Через сколько отправляемся?

Водитель Степан спокойно смотрит на парня, делает очередную затяжку и отвечает.

СТЕПАН: Минут сорок ещё стоим, ждём.

ГОША (умоляюще): Как сорок? Да вы что? Мне через час уже нужно быть там!

Степан вдумчиво смотрит на парня, делает последнюю

затяжку и, отбросив сигарету, отвечает.

СТЕПАН: Тут два варианта!

ГОША: В смысле?

СТЕПАН: Либо тебе не надо быть там, через час, либо через минуту набивается полный автобус и у мотора автобуса вырастают две турбины. Но я склоняюсь всё же к первому варианту.

ГОША: Послушайте, я Гоша Кац, слышали? Я никогда никого не ждал. И я вам говорю, мне нужно через час быть уже там, в этом, вашем Драченино. Давайте я решу вопрос с пассажирами, а вы с турбинами, или крыльями там, у автобуса, на ваше усмотрение. Идёт?

СТЕПАН: Теоретически я могу попробовать решить вопрос с автобусом, но как ты собираешься решать вопрос с пассажирами?

ГОША: Элементарно. Сколько билет стоит в один конец?

СТЕПАН: Тысяча триста.

ГОША: Ну вот, я оплачу оставшиеся пустые места, и вопрос снят, сколько там надо добить?

Гоша заглядывает в автобус и энтузиазм его убавляется.

Он видит на заднем сидении только одну женщину.

Степан усмехается.

СТЕПАН (с подковыркой): Это значит двадцать пять посадочных мест, а вместимость сорок три человека, помножить на тысяча триста... что там, получается?

Гоша достаёт из кармана смартфон, считает, с печальным видом резюмирует.

ГОША: Пятьдесят пять девятьсот получается.

Степан закусывает губу, представляя себе сколько это.

ГОША: Ну что, время-то идёт, погнали?

СТЕПАН (по-отцовски): Ты что, готов оплатить почти шестьдесят деревянных с ноликами за то, чтобы примчаться в эту дыру? Не проще ли такси взять за две – три тысячи?

ГОША: Да где я его буду сейчас искать. Поехали уже, деньги это не главное, а вот время, упущенное, не вернёшь. Мы его уже упустили достаточно. Поехали!

Гоша достаёт бумажник, отсчитывает одиннадцать пятитысячных купюр и подаёт водителю.

ГОША: Сейчас ещё девятьсот найду...

Копошится в карманах, чтобы добить сумму.

СТЕПАН: Ладно, прыгай, с деньгами после разберёмся. За час не обещаю, маршрут рассчитан на полтора, но постараемся успеть.

Степан, суетливо оббегает кабину, стремясь попасть в водительской двери, которая расположена с другой стороны.

Парень в два прыжка запрыгивает в салон автобуса.

На сцену в раскачку не спеша выходят два грузных человека, Николай и Люба.

НИКОЛАЙ (увидев почти пустой автобус, обращается к Любе): О...? Да тут ещё никого нет, а мы спешили, давай

на улице постоим, поболтаем, чего там, в духоте сидеть, ещё насидимся в дороге.

Ставят тяжёлые сумки на сцену у открытых дверей автобуса.

В этот момент двери закрываются, и автобус начинает ехать.

НИКОЛАЙ (кричит): Э... Стой! Куда!!!

Николай начинает свистеть.

ЛЮБА (кричит): Стой!

Водитель услышав свист и крик, видит в правое зеркало два бедолаги отчаянно машущие руками, останавливает автобус, открывает дверь.

ТРАССА

В автобус залазят Люба и Николай, двери закрываются.

Гул мотора автобуса эмитирует движение.

СТЕПАН (подмигнув Гоше): Ну вот, пару билетов долой и вас двое, уже минус пять.

Две запыхавшиеся фигуры протискиваются между рядами сидений и грузно погружаются на свободные места.

ЛЮБА (обращаясь неизвестно к кому): А я сейчас не поняла, это что было?

НИКОЛАЙ (водителю): Вы, почему уехали, ещё же время стоянки?

Степан лукаво оценивает в зеркало заднего вида говорившего мужчину и упитанную девушку, делает не то удивлён-

ный, не то осуждающий кивок.

СТЕПАН (на полном серьёзе): Так, а куда сажать народ? Автобус битком. Теперь уж остальным только следующего ждать!

Женщина у окна впервые отвлекается от своих думок и переводит взгляд в салон автобуса.

Так же внимательно изучает глазами салон зашедшая парочка.

Только Гоша сидит с ухмылкой в своём телефоне, не участвуя во всеобщем безмолвном непонимании.

НИКОЛАЙ (обращаясь к Любе): Ты чего-нибудь понимаешь?

ЛЮБА: Неа...

НИКОЛАЙ: И я неа...

Николай поворачивается к сидящей на заднем сидении Тамаре.

НИКОЛАЙ (Тамаре): А вы, женщина, можете нам объяснить, что происходит?

Тамара отрицательно качает головой, и вновь смотрит куда-то вдаль сквозь стекло автобуса.

СТЕПАН: Видите, рядом с вами сидит парень в чёрной куртке?

Николай и Люба пристально смотрят на парня.

СТЕПАН (со значимостью в голосе): Знаете, кто это?

Люба отрицательно качает головой и смотрит на Николая.

Николай смотрит на парня, потом Любу с непониманием и изумлением.

НИКОЛАЙ (водителю): Нет. А кто это?

СТЕПАН (многозначительно): О..., это сам Гоша Кац!

Николай и Люба непонимающе переглядываются.

НИКОЛАЙ: А я Николай Егоров, а это Любовь... (обращается к Любе) Как у тебя фамилия?

ЛЮБА (скромно): Малютина!

Пассажиры хмыкают, оценив несоответствие фамилии и габаритов девушки.

НИКОЛАЙ: Вот, Малютина! Но нас как-то так никто с пафосом не представляет (обращается ко всем). Кто такой этот Гоша Кац?

Тамара поворачивается от окна к парочке, потом смотрит на парня. Встаёт со своего места, идёт вперёд к Гоше, садится напротив него, внимательно смотрит ему в глаза.

Гоша поднимает взгляд от смартфона и смотрит на Тамару.

Степан с улыбкой наблюдает за происходящим, ничего не поясняя.

Тамара достаёт блокнот, ручку и протягивает Гоше.

ТАМАРА (Гоше): Простите, я вас не сразу узнала. Можно автограф?

Гоша берёт блокнот, молча, совершенно без эмоций, расписывается, возвращает его с ручкой обратно, после чего вновь переключает внимание на смартфон.

ТАМАРА: Благодарю!

Тамара возвращается на своё место, с умилением изучает роспись.

Николай и Люба переглядываются. Николай не выдерживает.

НИКОЛАЙ (водителю): Слышь, друг, скажи, а кто этот Гоша Кац?

Степан улыбается, смотрит через зеркало в салон.

СТЕПАН (Николаю): Я не знаю.

НИКОЛАЙ (верх возмущённо): В смысле не знаю?

Люба прихрюкнув хихикает.

СТЕПАН: Ну, серьёзно, не знаю. Этот парень представился Гошей Кац или Кацом, не знаю, как правильно. Предложил оплатить все пустые пассажирские места, чтобы не ждать, и мы поехали, ненароком оставив вас на остановке. Это всё что я о нём знаю.

НИКОЛАЙ (весело): Так вот оно что! А я сижу голову ломаю, что значит автобус битком. Ну, артист.

В автобусе на какое-то время повисает молчание.

Люба и Николай ненароком поглядывают на Тамару изучающую роспись в ожидании пояснений, но она не спешит их давать.

Не дождавшись разъяснений, оборачиваются по направлению движения, смотрят вдаль простирающихся красот. Косятся на Гошу.

ТАМАРА (складывая блокнот в сумочку): Да откуда вам

его знать, небось, по филармониям-то не ходите?

НИКОЛАЙ (возмущённо): Чего? Да у меня жена в городской филармонии отмотала десятку. Ты что думаешь, если не во фраке человек, значит, кроме водки и огурца ничего в жизни не видел?

ТАМАРА: А кем ваша жена работает в филармонии?

Гоша с любопытством оборачивается, глядя на Николая.

НИКОЛАЙ (надменно) Капельдинером!

Гоша улыбается и возвращается к гаджету.

ЛЮБА: Кем, дядь Коль?

НИКОЛАЙ (негромко): Билетером, в общем.

В автобусе вновь повисает молчание.

ТАМАРА (глядя в окно): Первая скрипка за Уралом.

Степан внимательно смотрит через зеркало на Тамару, потом на Гошу.

СТЕПАН: Это, с каких это пор деятели культуры такие деньги стали зарабатывать, чтобы за час по пятьдесят – шестьдесят тысяч рублей легко на ветер?

Гоша отвлекается от телефона.

ГОША: Послушайте, я же не лезу ни в чей карман. Зачем вы пытаетесь навести ревизию в моём?

СТЕПАН: Да нет, просто интересно. Извини, если обидел. Я просто считал, что музыканты гроши получают. Знать ошибся.

В автобусе ненадолго повисает молчание.

Гоша отвлекается от смартфона, о чём-то своём думает и обращается к Степану.

ГОША: Вы не ошиблись. Так и есть. Музыкальная карьера мне не приносит особых прибылей. То, что я зарабатываю скрипкой, хватает только на бензин. Честно говоря, не понимаю, как, и на что живут коллеги. Перебиваются заказными концертами, халтурками. Кто как, в общем. Стоило ли ради этого семь лет в музыкальной школе учиться да потом ещё в консерваториях...

Пассажиры автобуса внимательно слушают. Степан время от времени поглядывает на парня.

ГОША: Деньгами я обязан отцу. Да и всем остальным тоже. Он сколотил успешный бизнес в девяностых годах, успел, в общем, оказаться на гребне волны. И поэтому сделал так, чтобы его дети не нуждались ни в чём. Чтобы занимались в жизни тем, чем хочется нам. Не тем, чем вынуждены заниматься, чтобы добыть копейку, а именно тем, чем нам самим хочется, тем, что нам нравится. У меня есть ещё сестра. Она картины пишет. В Европе её хорошо знают, она там и живёт последние четыре года. Так что деньги у меня от отца. Тратчу его капиталы.

Гоша умолкает, смотрит в окно.

ГОША: Это не слишком разумно в плане приумножения имеющихся средств. У меня нет жилки бизнесмена, но с другой стороны, зачем же эти деньги гноить на банковских счетах, если от них нет никакого проку здесь в жизни, в реаль-

ной жизни, а не на бумаге, или электронных отчётах, которым, по сути, грош – цена.

Гоша оборачивается назад, смотрит на Тамару, потом на Любу и Николая.

ГОША: Всем что у меня есть, я обязан отцу.

Пауза в несколько секунд.

Гоша опускает голову, продолжает рассказ.

ГОША: Он позвонил мне сегодня утром, сказал, что плохо себя чувствует и до вечера может не дотянуть. Что нужно успеть перекинуться последним словом и решить несколько формальностей. А через два часа мне позвонили из больницы этого городка или села, Новодраченино, сказали, что старик плох. Поэтому я спешу.

Степан грустно качает головой.

Слышен рёв мотора, автобус набирает обороты.

НИКОЛАЙ (Гоше): Это часом не Антон Григорьевич, твой отец?

ГОША: Он самый!

Пассажиры переключают внимание на Николая.

Гоша сидит не оборачиваясь.

НИКОЛАЙ: Знаю его... немного. Неординарная личность.

ГОША: Это точно.

НИКОЛАЙ: Лет пять назад он приехал в нашу трущобу. Построил двухэтажный дом за одно лето. С соседями всегда держал дистанцию, близко не подпускал и сам никому в ду-

шу не лез.

ГОША: Он не только с вами так общался, сколько его знаю, всегда так. Помочь чем – всегда без вопросов, а дружбу близкую никогда ни с кем не водил.

НИКОЛАЙ: Это да, помню в позапрошлом году сел на брюхо на своих Жигулях. Весна, дорога разбита. Мимо Антон Григорьевич. Пешком шёл, за хлебом в магазин выходил. Ни слова не сказал, я его только краем глаза заметил. Через пять минут смотрю, подъезжает задом на своём джипе. Трос достаёт, сам всё цепляет. Я в машине сам сидел, грелся. Вытащил, конечно. Поздоровался, хорошего дня пожелал и уехал.

ГОША: Узнаю, батьку.

В разговор вмешивается водитель, Степан.

СТЕПАН: Я что-то не пойму, если человек при деньгах, зачем он в такие дебри уехал? Дом построил. Обычно если деньги есть, едут встречать спокойную старость в Испанию, или если языками не владеешь – в курортную зону России...

НИКОЛАЙ: Мы тоже с соседями об этом думали. Не разгадали задачку, а спросить как-то не с руки. (*Обращается к Гоше*) Скажи, Гош, может, ты знаешь?

ГОША: Я не знаю. Родни у нас там нет. Я ни разу не приезжал к нему в эту местность. Сейчас приеду, спрошу, самому интересно.

ТАМАРА (глядя в окно): Ничего вы не понимаете в широте загадочной русской души.

Пассажиры оборачиваются на голос.

ТАМАРА: Я очень хорошо понимаю вашего отца, Георгий.

ЛЮБА (чесет толстый живот): А я вообще не понимаю! Все адекватные люди бегут сломя голову из такой дыры как наша. Что там делать? Какое там может быть будущее? Дояркой в совхозе работать всю жизнь за полторы тысячи в месяц? Это идиотизм и издевательство над самим собой. Да, есть земля, тем и живём, но знаете, каково приходится, когда неурожай?

НИКОЛАЙ: Как не знать.

ЛЮБА: Мы с тёткой по всей деревне ходили в тот год, кто картошки немного даст, кто муки горсть. Кору варили, да травками питались.

ГОША: Эво как тебя на травках-то разнесло.

ЛЮБА: Ни тебе меня судить, – огрызнулась Люба. У меня богатого папочки нет. Никакого нет. Я стройной была как былинка до того страшного неурожайного года. В ту пору вообще как скелет кожей обтянутый ходила. Тут не до филармоний, приятель, поверь. А как только чуть дела на поправку пошли, я наестся не могла. Всё в рот тянула.

У Гоши вырывается произвольный смешок.

ЛЮБА: Смешно тебе?

Люба встаёт и проходит на сидение напротив парня.

ЛЮБА (строго, Гоше прямо в глаза): Тебе смешно?

ГОША: Извини, подруга, но на тебя реально смотреть по-

лучается только с юмором или со слезой. Я выбираю с юмором. Я понимаю, что были трудные времена, знаю, что такое голод, но когда вижу, как люди превращают свои тела вот в такие однородные массы, мне становится реально грустно. Поэтому приходится эту грусть как-то вывозить в юморное русло. Считаешь, что я не прав?

ЛЮБА: Да что ты знаешь о голоде, юморист? Да, у меня во рту многое побывало в те смутные времена, я на всё готова была ради куска хлеба. Многие тем и пользовались. Не сохранила ни чести, ни здоровья. Но я выжила! А знаешь, сколько крестов в тот год прибавилось у нас на кладбище, юморист? Меня гнобили потом всей деревней пять лет, причём гнобили все те, кто воспользовался. Пришлось переезжать, никакой жизни не давали. Так я в Новодраченино и оказалась, благо бабушка хорошая приняла, приютила. А все тяготы жизни я познала в своей родной деревне Стародраченино.

ГОША: Что есть ещё и Стародраченино?

Люба протирает лицо руками.

ЛЮБА: Ты смеёшься надо мной. Да, у меня нет ни чести, ни здоровья, ни внешности, я всё потеряла, но я осталась жива.

Люба криком, на весь автобус!

ЛЮБА: Я сижу здесь перед тобой живая, хоть и израненная. Но я верю, что я живу не зря. Ты слышишь меня скрипач? Я живу не зря!

Люба встаёт, проходит в конец салона к Тамаре, садится напротив неё.

ЛЮБА (обращаясь ко всем): Поэтому все более-менее здравомыслящие люди бегут из деревень, чтобы хоть как-то попытаться уцепиться в больших городах. И я не исключение. Еду за последними вещами, оставшимися в деревне. Уже месяц как в городе обосновалась, работаю на кухне, платят немного, но в десять раз больше чем в селе, так что и на том спасибо.

Люба упирается взглядом в Тамару, обращается персонально к ней.

ЛЮБА: Так что там, на счёт загадочной русской души? Что мы все не способны понять?

Тамара спокойно поворачивает голову от окна в сторону Любы, их взгляды схватываются.

ТАМАРА (тихо, но чётко): Что ты, девочка, на судьбу роптаешь? Ты думаешь, что пережила самое страшное на свете? Ты действительно так считаешь?

Люба опускает взгляд.

ТАМАРА: Когда на кону только твоя жизнь – это вообще не проблема, а вот когда жизни твоих детей держатся на волоске, вот тогда по-настоящему страшно. Ты сидишь передо мной живая, это верно, и я тоже верю в то, что всё не зря. Посмотри в мои потухшие глаза, девочка! Видишь ли ты в них остатки чести? Видишь ли ты в них хоть кусочек того, что осталось целым, не выжженным дотла?

Люба поднимает взор и вновь опускает.

Николай чешет затылок, Степан кивает пару раз неизвестно кому.

Парень Гоша кладёт телефон в карман и о чём-то своём задумывается.

Раздаётся визжание шин.

Все пассажиры резко подаются вперёд по направлению движения.

Степан отжимает тормоз в пол.

Резкий звук, хлопок.

Степан паркует автобус к обочине...

ОБОЧИНА

Обочина дороги. Кругом необъятные просторы.

Проезжих машин мало, трасса не основная.

Полная неопределённость в настроениях пассажиров.

НИКОЛАЙ: Что случилось?

СТЕПАН: Сейчас посмотрю.

Водитель выходит из автобуса, осматривает, находит пробойну в колесе.

Пассажиры с нетерпением ждут возвращения Степана с отчётом. Степан открывает пассажирскую дверь и, зайдя в салон, обращается напрямую к Гоше.

СТЕПАН: Ну что парень, похоже, я был прав. Не надо тебе было быть через час в селе. Колесо пробито. Я, конечно, поменяю его, но это ещё на час примерно нас задержит.

ГОША: Чёрт. Ладно, на попутках доберусь, тут уже кило-

метров тридцать осталось.

Гоша хватает с сиденья сумку и, выскочив на улицу, бежит ловить попутку.

СТЕПАН (горестно усмехнувшись, обращается к оставшимся пассажирам): Пользуясь, случаем, можете пока мальчишки налево, девочки направо.

Пассажиры начинают расходиться.

Степан стаскивает инструмент к колесу, скидывает рубаху, занимается съёмом запасного колеса.

Из автобуса выходит последний пассажир Николай.

На сцене в поле видимости зрителя остаётся только Николай и Степан.

НИКОЛАЙ (спускаясь со ступенек): Может помочь чем?

СТЕПАН: Вдвоём только мешать друг другу будем. Но помощь в качестве какой-нибудь занятой истории приму с удовольствием!

НИКОЛАЙ (садясь на ступеньку): Занятные истории? Их есть у меня. Дело было в прошлом году. В аккурат, на день влюблённых, как по заказу. Самогона натащили к Надьке. Надька это моя крестная, все гулянки проходят у неё.

СТЕПАН (срывая болты на колесе): А вы прямо так отмечаете день влюблённых организованно?

НИКОЛАЙ: Да нет, просто четырнадцатого февраля день рождения у Надьки, а день влюблённых, это уже совпало. Но совпало в тему!

СТЕПАН (прикладываясь к ключу): Ясно.

НИКОЛАЙ: На улице морозец, в избу все забегают, побрякивают. Да не столько от мороза, сколько от предвкушения, что вот-вот накатят крепко. Как водится, в общем.

Николай умолкает, припоминает детали с затейливой улыбкой. Степан оборачивается к рассказчику, потеряв аудиальный сигнал.

НИКОЛАЙ: И надо такому было случиться, что составили всё это добро у входа, у двери, чтобы прохладой обдало самогонку. Так-то она лучше идёт. От двери дует. На мороз вынесешь – замёрзнет, в хате жарко. Да, главное, так всегда раньше и делали и ничего. А тут стол уже накрыт, гости почти все в сборе, осталось только разлить. Митька – муж Надьки пошёл за первыми пузырями, и у входа встречается с Воронёнком. Воронёнок – это местный дурачок. Не то что дурак, но какой-то он у себя на уме всегда. Хотя, чего греха таить, занятный парень. Ну как парень, ему сорока ещё нет. Весёлый, бродяга, ни один праздник без него не обходится. Душа компании. Его и матерят и даже бьют иногда за идеи его смелые, но он ничего, не обижается, всё равно шутит. Так и получается. Половина хохочет, половина бьёт. А потом он про других шутит, тогда его другая половина долбит, пока первая хохочет. Его юмор часто не лишён оснований, но кто же признает за собой, всегда проще дать пару тумачков говоруну, чем оправдаться перед всеми за услышанное. Так что на праздниках ему всегда рады. И повеселиться и кулаки почесать, во всём уважит Воронёнок.

Водитель подыскивает нужную точку под домкрат.

СТЕПАН (из-под автобуса): А за что Воронёнком-то окрестили парня?

НИКОЛАЙ: Так он на ворона похож. Взгляд, знаешь, такой острый, сам чёрный, носатый, ну чистый клюв.

СТЕПАН: Носатый говоришь? Знать бабы-то его любят?

НИКОЛАЙ: Ты погодь, про баб после. Заходит этот Воронёнок, значит, навстречу Митьке. А сам уже хорошо поддатый. И заходил, об порог запнулся да на пузыри с самогонов как брякнется. Прямо на глазах хозяина все заготовки растеклись по полу. Ни одной посудыной целой не оставил, как специально.

Степан выползает из-под автобуса, с интересом глядит на собеседника.

НИКОЛАЙ (с памятной горечью): Как народ взбунтовался...

СТЕПАН: Пошутить в этот раз не успел, надо полагать, ваш Воронёнок?

НИКОЛАЙ: Какой там, сразу стали бить. Но, немного ему клюв подправили, а дальше что делать? Он всё равно ничего почти не чувствует, сидит, улыбается, ему то уже хорошо, а всем остальным ни салат в горло не лезет, ни картошка не мила без разогреву.

СТЕПАН: Так не уж то в деревне ни у кого поблизости не было больше «горючего»?

НИКОЛАЙ: Те, у кого были рядом – те принесли, их пу-

зыри рядом разбитые лежали. Пол залит, стекла куча. Ароматы избу застили, а толку, с полу слизывать не будешь. Есть, конечно, у тех, что подальше, как в деревне без этого. Есть, конечно, есть, но мороз на улице, говорю же. Лишний раз идти не охота никому. А коли пойдёшь, так к чему возвращаться, закусь и дома найдётся. Все это понимают. Сидят, дуются, на Воронёнка поглядывают. Я тоже там сидел. Ох, зол на него был, помню. А рядом со мной сидел кум.

– А давайте, – говорит, – разденем его догола и пустим по деревне, будет знать, как над людьми издеваться!

СТЕПАН: И что, раздели?

НИКОЛАЙ: Ой, народ идею на ура воспринял. Злоба-то никуда не делась, обида только копится с каждой ложкой сухомятки. Раздели его и пинком под зад на мороз. Мы к окнам, а ничего не видно. Позамёрзли окна-то. Со щелей дует, тут же замерзает, подтаивает и опять замерзает. Сквозь наледь не видать ничего. Минут через пять сжалились, за ним подались, а его и след простыл. А в этом году несколько Воронят в селе родилось у разных баб. Чёрненькие такие же, носастые. Вот и думай! Это ты про баб спрашивал. У Воронёнка, понимаешь, не только нос длинный. Пригрели его видать в нескольких домах в тот день, приютили. Но он и сам знал, куда путь держать в таком наряде. Мозги-то на морозе быстро работают.

СТЕПАН (кряхтя, скидывая колесо): Интересно.

НИКОЛАЙ: Да уж. Интерес весь в том, что у одной из ро-

жениц муж в это время сидел у Надьки на гулянке. Догадайся о ком речь?

СТЕПАН (немного промешкав): Не уж-то куму отомстил?

НИКОЛАЙ (радостно): В яблочко!

Хохочут оба.

СТЕПАН: Ловок, ваш Воронёнок, ловок.

НИКОЛАЙ: Да уж, яркий персонаж в нашем селе. Куму всё невдомёк. Он в тот вечер дома догнался как следует, не помнит ничего. Только смотрит порой на дитя и думает, в кого это он такой чёрненький уродился...

На сцену выходят Люба и Тамара.

Степан многозначительно кивает и обращает внимание на пассажиров, которые начинают собираться у автобуса, пуская свои заинтересованные взгляды в район снятого колеса.

ЛЮБА: Дела идут?

СТЕПАН: А-то... дело мастера боится!

Тамара ничего не говорит, подходит поближе к Степану, с интересом и трепетом наблюдает за ходом работ, деликатно оценивая не столько деятельность, сколько самого мужчину.

НИКОЛАЙ (дамам): Я предлагал помощь, вы не думайте, но меня отшили. Сказали что с такими руками только в жо..., в общем, сижу, байки травлю, но я предлагал помочь, если что!

СТЕПАН (устанавливая запаску): Предлагал – предлагал, не спорю. А вот на счёт рук – это уже была не моя интерпретация. Ну что, есть ещё, что в ассортименте занятого?

НИКОЛАЙ: Есть, всегда есть, но они как-то все... не для женского уха. Я вот тут успел одну кое-как. Спешил, между прочим, специально рассчитывал время, такт, расстановку!

СТЕПАН (подмигнув): Я оценил! Ну, а вы дамы? Не разбавите весёлой нотой мужскую участь?

ТАМАРА: Как-то не до веселья, извините.

Тамара отходит от Степана и начинает залазить в автобус.

ЛЮБА (шёпотом мужчинам): Не знаю, что у неё стряслось, но чувствую, что что-то серьёзное.

На сцену выходит мрачный Гоша.

НИКОЛАЙ (со смехом, Гоше): О, ты всё ещё здесь?

Тамара оборачивается в автобусе на полпути.

Вид у скрипача подавленный.

ЛЮБА (с лукавством, Гоше): И деньги твои не помогли. Видишь, не всё деньгами-то решается, оказывается.

ТАМАРА (Гоше): Так никто и не остановился?

Степан внимательно всматривается в лицо парня, не задавая вопросов.

ГОША (поникнув, водителю): Правы вы были, мне действительно не нужно было быть в селе через час.

Пассажиры переглядываются, смотрят на парня.

Степан молчит, слушает.

ГОША: Из больницы позвонили... прибрался отец.

Пауза несколько секунд, все молчат, осторожно переглядываются.

ГОША: Мне нужно было к нему приехать два, три, четыре года назад... всё откладывал. А теперь вот спохватился, да поздно.

Скрипач отходит в сторону, садится прямо на краю сцены, направив взор в бескрайнюю даль...

Пассажиры расходятся по местам.

Степан заканчивает подтягивать последние гайки.

СТЕПАН (кричит Гоше): Через пять – семь минут отправляемся.

Мудрый водитель понимает ситуацию, намеренно оставляет ещё некоторое время скрипачу на раздумье, кивает понимающе головой, убирает инструмент, переодевается, подкачивает установленное колесо.

Люба ерзает на сиденье, чувствует себя виноватой, выходит из автобуса, направляется к скрипачу.

Парень оборачивается, услышав приближающиеся шаги.

ЛЮБА: Я сяду рядом, не против?

Гоша кивает головой, показывая глазами согласие.

Люба садится рядом, смотрит вдаль.

ЛЮБА: Мою мать убили, когда мне было восемь. Пьяная драка. По случайности, как потом объяснили. Отец спился к десяти годам. Он и так-то часто поддавал, а после того,

как матери не стало, совсем запиваться стал. Через два года закопали и его. Меня дед воспитывал. К пятнадцати я совсем одна осталась. Опекунство тётка оформила. Ну а дальше, ты уже знаешь. Голод, издевательства, переезд. Я никогда не жила даже кусочком той беззаботной жизни, которая дарована тебе. Ты извини, я наговорила лишнего. Пойдём, Гош, жизнь продолжается. Пока мы здесь, надо жить, надо что-то делать, жить не просто так, а во имя чего-то.

ГОША (искренне, спокойно): Ты, например, во имя чего живёшь?

ЛЮБВА (задумавшись): Мне думается, ради эксперимента. Ради одного только того, чтобы самой узнать, что же меня всё-таки убьёт? Других объяснений у меня нет. Жить ради семьи и детей я бы рада, да кому я нужна такая. Ты правильно всё сказал, надо следить за собой, девушке особенно. Я ведь ещё молодая. Знаешь сколько мне лет?

ГОША: Сколько?

ЛЮБА: Ну, угадай?

ГОША: Да не знаю я.

ЛЮБА: Ну, ты попробуй! Всё равно не угадаешь, но хоть попробуешь.

Гоша пытается дать максимально молодой возраст, какой может только дать зрительный образ, чтобы не обидеть девушку.

ГОША: Двадцать семь!

Девушка улыбается.

ЛЮБА: Ты мне льстишь. Меньше тридцати давно уже никто не даёт. А мне на самом деле только двадцать два.

Гоша неподдельно удивляется.

ЛЮБА: Да, Гоша, двадцать два. Наверное, я могла бы быть хорошенькой, соответствующей своим годам внешне, но как-то опустились руки, смотрю на себя в зеркало и машу рукой. Всё равно уже ждать чего-то хорошего в жизни не приходится.

Гоше становится искренне жаль девушку. Он поглядывает на неё осторожно и что-то пытается себе объяснить.

ЛЮБА (весело, похлопывая Гошу по плечу): Ну что, проведёшь ещё минут тридцать с толстухой в одном автобусе?

ГОША: Не говори так, ты не толстуха.

Парень встаёт, оттряхивается, подаёт руку девушке.

ГОША (глядя в глаза Любе): Ты очень хорошая, извини и ты меня..., есть за что прощать.

Люба скромно улыбается, потупив взор, смотрит на протянутую руку парня, подаёт свою ручку. Поднявшись, благодарит.

Люба и Гоша отправляются в автобус.

Звук мотора, шум ветра, трасса.

ТРАССА

Вновь пассажиры, в полном составе погрузившись в шум колёс и однородную панораму за окном, проводят свои думы.

НИКОЛАЙ (водителю): А что, дружище, часто так вот колесо пробивает на трассе?

СТЕПАН: Лет шесть назад было дело, пробивал, но тогда и резина худая стояла. Сейчас хорошая, новая почти. Сам не понимаю, отчего так получилось. Случай!

НИКОЛАЙ: Да, случай, вредный спутник жизни.

СТЕПАН: Когда как, да и как знать, когда он вредный, а когда полезный. Вот, скажем, сегодня у нас пробило колесо, мы все не приехали в намеченный час. Это плохо. Так?

НИКОЛАЙ: Так.

СТЕПАН: Но мы потеряли около часа, чуть может меньше времени и снова в пути. Мы приедем не вовремя, но мы, наверняка, приедем. А если бы мы не пробили колесо и, скажем, на обгоне встретились бы с грузовиком лоб в лоб? Такое бывает. Никто специально не идёт на лобовое столкновение. Случай. Тогда бы мы вообще не приехали никуда. Если посмотреть в этом ключе, то нам крупно повезло. Так?

НИКОЛАЙ: Выходит что так.

СТЕПАН: Дело в том, что человек, при всяком вышедшем из-под контроля действии, склонен рассматривать его в негативном свете. Однако это далеко не всегда так и есть в действительности. Для того чтобы объективно оценивать ситуацию, надо знать все возможные варианты развития событий, но кто же этим себя усложняет. Отсюда все эти невесёлые настроения.

Николай чешет затылок.

В автобусе повисает тишина.

Через какое-то время слышится голос с заднего сидения.

ТАМАРА: Степан, простите, а вы кем работали до того как стали водителем?

Водитель с интересом смотрит в зеркало заднего вида на женщину, которая с интересом смотрела в это же зеркальце с другой стороны.

СТЕПАН: Дорого возникает под ногами идущего, сударыня. Кстати, как вас зовут?

ТАМАРА: Тамара.

СТЕПАН: Я был учителем философии, Тамара. Горный институт.

ТАМАРА (с нежной иронией): Вот я и смотрю, что уровень у вас совсем не водительский. А как же вы так дошагали до такой дороги, господин идущий?

СТЕПАН: А чем плоха моя работа? Это вопрос отношения. Меня она вполне устраивает, к тому же контингент подчас намного более эрудированный, чем спящие студенты, вчерашние школьники.

ТАМАРА: Нет, ну всё-таки? Вы действительно вот так по своей воле резко изменили профессию и курс жизни?

СТЕПАН: Курс жизни я не менял, Тамара. Я, как и прежде, придерживаюсь всё тех же ориентиров на честность и порядочность. Именно из-за этих принципов и пришлось попрощаться с преподавательской деятельностью. В институтах далеко не всё так чисто и прозрачно, как об этом думает обыватель. Я не смог там больше работать, здесь мне комфортней. Поля, леса, природа вокруг, воздух. Люди ин-

тересные, о чём ещё можно мечтать?

Тамара проникновенно кивает.

СТЕПАН (Тамаре): Теперь ваш черёд. Расскажите о том, что вами движет в заданном направлении?

Женщина умильно качает головой, ничего не ответив, смотрит в окно. Немного подумав, берёт сумку, проходит к передним сиденьям, устроившись на месте кондуктора, которого данный рейс не предусматривал, поближе к водителю.

ТАМАРА: Мы, должно быть, скоро приедем уже, а на полуслове так как-то... У вас же предусмотрен отдых в селе? Может быть, я вам там всё и расскажу за чашечкой кофе в какой-нибудь закусочной, если вам это ещё будет интересно?

СТЕПАН (с задоринкой): Закусочных в Новодраченино нет поблизости конечной, но у меня есть с собой термос, чай на травках, и пара бутербродов. Так что решим вопрос.

НИКОЛАЙ (затейливо): О... похоже, мы тут становимся лишними.

ТАМАРА (поникнув): Да нет, бутерброды вам жена делала не для меня, я думаю.

Тамара расстроено отворачивается к окну.

Степан замечает нотку разочарования в голосе.

СТЕПАН: Я вдовец, Тамара. Уже четыре года бутерброды делаю себе сам.

ТАМАРА: О, как? (на подъёме) И у меня тоже есть с собой пара бутербродов и термос.

В автобусе вновь повисает неловкое молчание, которое нарушает звонок телефона Гоши.

ГОША: Алло? Да? Я. Юрист...? Он ничего не говорил мне об этом... Да я не успел с ним увидеться. А вы где? Ещё в селе? Отлично, я уже рядом. Пишу адрес.

Быстро достаёт блокнот, что-то записывает.

ГОША: Хорошо, думаю уже минут через тридцать – сорок увидимся.

Скидывает звонок, убирает телефон.

Пассажиры смотрят на скрипача.

ГОША (всем): Юрист добрался раньше меня. Успел всё оформить и получить последние распоряжения. У него письмо для меня от отца.

На несколько секунд о чём-то своём думает, обращается к водителю.

ГОША: Долго ещё ехать?

СТЕПАН: Только что проехали указатель села, вон уже домишки видны. Через десять минут будем на месте.

Николай довольно потягивается.

НИКОЛАЙ: Ну что братцы, скоро прощаться будем. Поведайте вам на оставшиеся десять минут одну интересную тайну?

ЛЮБА (оживившись от тайных дум): Конечно!!!

Тамара и Гоша с интересом смотрят на Николая.

Николай расплылся в улыбке, получив внимание.

НИКОЛАЙ: Знаете, почему я всегда такой весёлый и жиз-

нерадостный?

ЛЮБА: Не томи, дядь Коль.

НИКОЛАЙ (поучительно выставив указательный палец):
Эту тайну поведал когда-то давно мне мой отец! Всё дело в якорях!

ГОША: В чём? В якорях? Мне не послышалось?

НИКОЛАЙ: Не послышалось, именно в якорях, но не в тех, конечно, что за борт бросают моряки.

Николай задумывается над сказанным.

НИКОЛАЙ: За борт бросают... хорошо сказал, надо будет запомнить, в некотором роде это высказывание тоже верно. Так вот. Якорь в данном случае имеет не материальную, а психологическую структуру, тут включается в процесс работа с подсознанием!

СТЕПАН: Вот видите, Тамара, как я был прав на счёт контингента, это же удовольствие возить таких пассажиров, ненароком окультуриваешься. Продолжай Николай, очень интересно.

НИКОЛАЙ: Суть якоря заключается в том, чтобы зацепить ситуацию, настроение, состояние, какой-либо приятный мотив к атрибуту повседневности.

ЛЮБА: Не поняла?

НИКОЛАЙ: Это просто, (поворачивается к Любе) например, вот едем мы сейчас по трассе, к примеру, слушаем музыку, какую-то песню и на душе так хорошо и легко, дорога домой, лес, вид за окном шикарный, настроение прекрасное.

Всё что нужно сделать – это заякорить это состояние лёгкости на какую-то мелочь, которая потом будет встречаться в жизни. Это может быть та самая песня, которая играет по радио, это может быть попавший в поле зрения монумент на дороге, который периодически проезжаешь. И тогда, когда в следующий раз услышишь эту музыку, или проедешь в очередной раз мимо монумента, якорь сработает, и вызовет то состояние лёгкости, которое было привязано к данному атрибуту.

ГОША: Здорово!

ТАМАРА: Интересно!

НИКОЛАЙ (довольный собой): Это что! А представьте себе, если у вас в жизни ни один такой якорь прекрасного настроения, а, скажем, сто или двести?

ЛЮБА (что-то высчитывая в уме): Тогда что же ты, получается, всегда будешь счастливым и радостным?

НИКОЛАЙ: Примерно так. Это и есть секрет моего прекрасного лёгкого настроения.

ГОША: Возьму на заметку.

Автобус вырывается на площадку посёлка Новодраченино.

СТЕПАН (Николаю): Последний вопрос, приятель.

НИКОЛАЙ: Давай!

СТЕПАН: Какой якорь ты себе в этой поездке присмотрел? Ведь мотаешься периодически, я тебя не первый раз вижу в числе пассажиров своего автобуса, и могу подтвердить,

что ты действительно всегда на позитиве. Какие якоря установил для себя в рейсе? Я-то постоянно на этой дороге, может, и себе чего присмотрю?

НИКОЛАЙ: Здесь есть нюанс, Степан, якоря работают хорошо, но приедаются. Поэтому требуют периодического обновления. Чем чаще якорь используется, тем быстрее он изнашивается, всё как в жизни. Поэтому надо использовать якоря с умом, желательно так, чтобы вообще не быть готовым к его приближению, чтобы он экспромтом, сюрпризом входил в твою жизнь. Тогда это работает на сто процентов. Для меня якорь – данный маршрут. Дорога в город к дочери, и дорога домой всегда мне в радость. Ну а тебе. Если постоянно едешь по этой дороге – то, конечно, якоря придётся обновлять часто. Но я уже вижу один конкретный якорь, который долго ещё не износится у тебя, Степан.

Водитель останавливает автобус, открывает дверь, обозначив конец маршрута.

Никто не спешит выходить.

Степан оборачивается и прямо смотрит на Николая с немым вопросом.

НИКОЛАЙ: Этот якорь сейчас сидит напротив меня, дружище!

Николай переводит взгляд на Тамару, сидящую напротив Николая и нежно улыбающуюся.

Она смущена.

В автобусе раздаётся скромное хихиканье Гоши и Любы.

Николай встаёт, рассчитывается и выходит из автобуса.

За ним спешно выбегает Тамара, оставив расчёт.

ТАМАРА (Николаю): Подождите, пожалуйста.

Николай останавливается, оборачивается.

ТАМАРА: А как быть, если якорь уже установлен на негативе?

НИКОЛАЙ: Что, крепко сидит?

ТАМАРА (на печальном выдохе): Крепко.

НИКОЛАЙ: Тогда несколько вариантов. Либо ждать, когда он износится, это тогда вопрос времени, либо сбросить этот якорь на дно и привязать новый на то же место, либо можно ещё попытаться нежелательный якорь поднять, отмыть, отчистить. Посмотреть на него под новым углом и пользоваться дальше, только уже с учётом позитивных выявленных качеств!

Отвечает, подмигивая, уходит.

ТАМАРА (в спину уходящему Николаю): Спасибо.

ОСТАНОВКА

Пассажиры покидают автобус.

Люба отдаёт водителю свои тысяча триста и выходит из автобуса, направляется в село.

Гоша достаёт пятьдесят пять девятьсот, протягивает их водителю.

ГОША: Как договаривались!

СТЕПАН: Не надо, парень. Это муниципальный марш-

рут, обычно столько и бывает пассажиров. Чуть больше, чуть меньше. Я на зарплате, всё нормально. Давай тысячу триста и будет. А помоги лучше тем, кто действительно в этом нуждается.

Степан указывает взглядом в сторону уходящей Любы.

ГОША: С этим тоже решим. Спасибо за всё.

Кладёт пять тысяч водителю, выходит из автобуса, догоняет Любу.

ГОША: Люба, подожди, пожалуйста!

Девушка оборачивается.

ГОША: Послушай, ты сказала, что приехала за последними вещами, потом опять в город?

ЛЮБА: Ну да, а что?

Гоша внимательно смотрит на девушку.

ЛЮБА (непонимающе): Что?

ГОША: Люба, а если я тебе подложу попробовать пообщаться, побольше узнать друг друга? Я ведь тоже сюда ненадолго. Давай уедем вместе, а там дальше подумаем, что со всем этим делать.

Люба делает странное выражение лица.

ЛЮБА: Я не поняла, ты что, ухаживать за мной собрался?

ГОША: А хоть бы и так.

ЛЮБА: Ты что идиот?

Гоша внимательно смотрит на Любу.

ЛЮБА: Ты посмотри на меня? Я же от свиньи практически не отличаюсь? Всё нормально, я реально сморю на вещи

и всё понимаю. Ты вообще представляешь, что парень с девушкой делают в отношениях? Как ты себе всё это представляешь?

Люба руками демонстрирует незавидные формы.

ГОША: Тело можно всегда подкорректировать, Люба, а вот суть человека – изменить крайне сложно. Да ещё и непросто распознать её по началу, под толстым слоем лжи.

ЛЮБА: Гош, ты что серьёзно? Ты что допускаешь мысль о том, что мы с тобой можем стать парой?

Скрипач кивает головой.

ЛЮБА: Даже после всего того, что ты обо мне знаешь?

ГОША: Именно после всего того, что я о тебе знаю.

ЛЮБА: погоди, погоди, я, кажется, начинаю понимать. Ты это из жалости. Гош, не надо так, я справлюсь, всё нормально.

Люба оборачивается, начинает уходить.

ГОША (окрикивает её): Люба!

Люба останавливается.

ГОША: Я понимаю, у тебя нет никаких оснований верить мне. У меня были разные девушки. Очень красивые, очень фигуристые, очень сексуальные, модели. Я очень хорошо представляю себе, чем занимается парень с девушкой в отношениях. Но я не представляю себе серьёзных отношений ни с одной из них. Сегодня я увидел в тебе те качества спутницы жизни, которые всегда искал. Да, ты в данный момент не слишком презентабельна внешне, не буду лукавить,

но ты настоящая, понимаешь? И если ты не против, я бы попробовал построить с тобой отношения. Честно говорю, я не знаю, что из этого получится. Тело – это вообще не проблема с сегодняшними технологиями. Сделаем фигуру тебе такую, какую захочешь. Любимым делом займёшься, не ради денег, их хватит и так, а просто так, из удовольствия.

ЛЮБА: Ты купить меня хочешь?

ГОША: Я встретил, как мне кажется достойного человека, которого не намерен покупать, которому намерен дарить.

Люба сомнительно смотрит на парня, ищет подвох, но не находит его.

ЛЮБА: Завтра в пятнадцать ровно будет рейс обратно. Я буду здесь. Обдумай всё ещё раз хорошенько!

Люба уходит.

Гоша кивает и бежит на встречу с юристом.

ПРИВАЛ

Рейсовый автобус отогнан подальше от остановки под тенистую гущу берёз.

Степан и Тамара сидят на поляне, разливают чай из термосов, едят бутерброды.

СТЕПАН: Вы не торопитесь?

ТАМАРА: Нет. Я не тороплюсь. Спешить мне теперь уже некуда.

СТЕПАН: Так вы сюда приехали жить?

ТАМАРА: Пытаться...

Степан подливает по стаканам душистый чай.

ТАМАРА: Так хорошо. Даже не помню когда вот так на природе сидела последний раз в приятной компании... пожалуй, только студенческие пикники всплывают в памяти. Спасибо вам, Степан. Степан, ведь? Правильно? А то я всё обращаюсь. Там на кабине автобуса был подписан водитель. Вы Степан?

СТЕПАН: Всё правильно. Водитель Степан – это я. Можно на ты. Даже лучше на ты.

ТАМАРА: Отлично. Спасибо тебе.

СТЕПАН: Да брось, мне ведь тоже приятна твоя компания, приятна эта обстановка и тот неуловимый повисший в воздухе аромат счастья. Какого-то как раз того самого юношеского беззаботного необременённого счастья. В меру наивного, в меру беспечного, но счастья.

Степан лукаво улыбается, вспоминая свои молодые годы.

СТЕПАН: Приятного аппетита, Тамара.

ТАМАРА (с нежной таинственной улыбкой): Приятного аппетита, Степан.

Пара получает удовольствие от момента. Дышат полной грудью, внимают свободе, красоте и простоте окружающего счастья, ловят осторожные взгляды на себе, не желающие быть замеченными.

ТАМАРА: Ты спросил, не тороплюсь ли я? Я приехала сюда провести остатки дней. Последние лет тридцать я не помню себя счастливой. Стыдно признаться, но я даже не помню, когда последний раз улыбалась. Муж меня оставил

пятнадцать лет назад. Попытки вернуть его не увенчались удачей. Дети уже совсем выросли. Сейчас живут за границей. Муж бывший, после развода сошёлся с богатенькой девицей, открыл свой успешный бизнес, и детям позже здорово помог. Пожалуй, не так всё плохо вышло в итоге. Я только осталась одна. За эти пятнадцать лет одиночества много всего пришлось перенести. Это сейчас детки не знают ни в чём нужды, но так было не всегда. Я перебивалась на заводе за копейки. Хватало на коммуналку, скудное питание и лекарства, то один болеет то другой. Одежду по большей части дарили детям на день рождения, я специально просила не дарить подарками, а одеждой. Самим что-то купить просто так крайне редко удавалось. Так что дети получали на новый год и на день рождения то ботиночки, то платьице, то кофточку. Праздников особо не знали. Хоть сейчас у них всё в порядке.

Тамара опускает взгляд, умолкает.

Степан не встречается с расспросами, внимательно слушает.

ТАМАРА: Ну а когда и они уехали, совсем тоскливо стало. Маялась несколько лет, потом продала квартиру и решила уехать в тихое сибирское местечко. Купить домик небольшой и на остатки средств пожить по-человечески лет пятнадцать – двадцать, как раз на этот срок должно хватить разницы между продажей и покупкой жилья, плюс пенсия не за горами.

Разводит руками перед Степаном.

ТАМАРА: И вот я здесь!

СТЕПАН: Ясно.

Делает небольшую паузу, открывает свои карты в ответ.

СТЕПАН: Как я уже сказал, четыре года назад моя жена отбыла в мир иной. Ничего не предвещало, просто раз и нет человека. Тоже детки есть, но здесь, в России. Старший в Москву уехал, покорять столицу, а младший сын живёт и работает в городе. Своя семья у него уже, я дедом стал полтора года назад его стараниями.

ТАМАРА: Здорово, а я только готовлюсь стать бабушкой. Дочка звонила в минувшую среду, порадовала.

Степан добро улыбается.

Тамара трепетно смотрит на его улыбку. Это очень хорошая улыбка, тёплая, истинная.

Степан ловит на себе пристальное внимание собеседницы.

СТЕПАН: Что-то не так?

ТАМАРА: Всё замечательно, Степан... даже слишком.

Делает небольшую паузу, переводит взгляд.

ТАМАРА: Скажи, а ты не пробовал выстроить отношения после утраты жены?

СТЕПАН: Честно, думал об этом, но ещё не предпринимал никаких шагов данного характера. А ты?

ТАМАРА (замявшись): Я...

СТЕПАН: Попытки были, но ни к чему хорошему не при-

вели, судя по всему.

ТАМАРА: Пожалуй, что так. Ухаживали поначалу, но я ждала мужа и не открывалась никому так, как того ждали ухажёры. А когда я перестала ждать, тогда уже стала никому не интересна. Годы ушли вместе с красотой и привлекательностью в мужских глазах. Да, пожалуй, и в своих тоже.

СТЕПАН: Ой, ли?

ТАМАРА: Что? Да нет, я всё понимаю, конечно, надо себя любить. Ценить себя и нести достойно, тогда и другие начнут относиться к тебе соответствующе. Но... как-то я не нашла в себе силы, стремления...

СТЕПАН: Похоже, что главную роль в своей жизни ты перестала играть тридцать лет назад, довольствуясь лишь второстепенными ролями. Важными, значимыми и необходимыми... но всё же не главной.

Тамара внимательно смотрит на собеседника, опускает взгляд.

ТАМАРА: Наверное.

Пауза внутренних переживаний, мыслей.

ТАМАРА: Степан, ты мудрый человек, вот скажи, всё-таки правильно я поступила, приехав сюда или нет?

СТЕПАН: Что приехала – однозначно правильно! А вот на счёт того, стоит ли здесь оставаться – этот вопрос я бы оставил открытым.

ТАМАРА (удовлетворённо): Ты и вправду мудрый человек.

СТЕПАН: Я бы посоветовал не спешить с покупкой дома здесь. Успеешь всегда, домов здесь на продаже много. Присмотреться можно, но не спеши. Лучше поживи месяц – другой на квартире здесь или в городе. Посмотри, насколько успешно удастся убежать от себя...

ТАМАРА (в шутку): А ты мне нравишься, Степан.

СТЕПАН (на полном серьёзе): Ну, раз нравлюсь, тогда можешь пожить у меня!

ОСТАНОВКА

Остановочный пункт села «Новодраченино».

Двери автобуса закрыты, водителя нет.

На остановке сидят три человека.

Два пассажира расположились на вещах, спиной к зрителю, или боком, так чтобы не было видно лиц.

Люба – третий пассажир, стоит на остановке, держит сумки в руках.

Люба сильно преобразилась, вид у неё теперь совсем не деревенский. Аккуратно убраны волосы, помада, макияж. Она стоит выправившись, даже смотрится худей.

Гоша выходит на сцену, подходит к Любе.

ГОША (тепло): Здравствуй.

ЛЮБА: (волнительно) Здравствуй.

ГОША: Отойдём?

ЛЮБА: Давай.

Люба оставляет сумки около автобуса, отходит с Гошей на край сцены.

ЛЮБА: Как встретились с юристом?

ГОША: Всё в порядке, отец всегда знал толк в людях, которыми себя окружал. Юрист очень грамотный, всё сделал как надо. Передал письмо от отца.

Гоша опускает взгляд, стараясь сдержать эмоции.

Люба даёт ему сентиментальную паузу. Несколько раз, оборачивается к остановке, следит за вещами.

ЛЮБА (волнительно): Что ты решил?

ГОША: Всё без изменений.

ЛЮБА: Без изменений в смысле...?

ГОША (перебивая): Без изменений, в смысле, что я по-прежнему намерен тебя добиваться.

ЛЮБА: Добиваться меня? Смешно. Это я должна тебя добиваться, а не ты меня.

ГОША: Так что ты скажешь?

ЛЮБА (боязливо): Ты прекрасный парень, и очень завидный жених, но я... как бы это правильно сказать... не могу, что ли, позволить себе такую роскошь как ты.

ГОША: Я понял, я тебе не интересен.

ЛЮБА (смущённо, неуверенно): Нет! То есть... интересен, даже очень, Гош, я не знаю, мне... понимаешь, мне даже как-то стыдно за тебя, как представлю, что мы идём вместе по улице, да ещё если за ручку.

ГОША: Почему ты так низко себя ценишь? Да, ты хлебнула в жизни невзгод побольше моего, но пожалуйста, не обесценивай себя. Давай всё сделаем проще. Я сниму тебе хоро-

шую квартиру в центре. Мы будем там встречаться, общаться, проводить время вместе, гулять. До тех пор, пока ты не сможешь принять меня, или оттолкнуть. Я познакомлю тебя с хорошим пластическим хирургом, пообщаетесь, он сделает всё так, как захочешь ты, даст рекомендации и предложит наиболее лояльные методы коррекции всего того, что так тебя беспокоит.

ЛЮБА: А тебя, ты хочешь сказать, не беспокоит совсем?

ГОША: Конечно, я хотел бы видеть рядом с собой шикарную девушку, чтобы парни и девчонки оборачивались нам в след и откровенно завидовали, но я думаю, что принял бы тебя любой. Ты необыкновенная. И что самое главное – ты настоящая, достойная!

Люба подходит ближе к Гоше, обнимает его.

ЛЮБА: Ты знаешь, мне никто никогда таких слов не говорил, и даже если ты сейчас делаешь это не по-настоящему, с каким-то тайным умыслом, то всё равно огромное спасибо тебе за это.

ГОША: А если по-настоящему?

ЛЮБА: А если по-настоящему – то я просто не верю своим ушам. Неужели в мире ещё существуют красивые сказки, Гоша?

ГОША: Сказки и чудеса существуют, и если ты мне позволишь, я их тебе покажу.

На сцену выходит водитель Степан в нарядной рубашке, ухожен заботливой женской рукой. Залазит в водитель-

скую дверь автобуса, открывает пассажирскую.

Люди на остановке заходят в автобус, затаскивая вещи..

Гоша протягивает руку Любе.

Люба любезно протягивает в ответ свою.

ЛЮБА: Автобус, побежали!

Люба и Гоша заскакивают в автобус последними.

За ними закрывается дверь.

ТРАССА

Звук мотора автобуса, слабый визг шин. Трасса.

Пассажиры располагаются на местах.

Гоша и люба садятся вместе, рядом.

С водительского сиденья звучит знакомый голос.

СТЕПАН: Привет, молодёжь. Сегодня, вижу, небо над вами развеялось!

ГОША (весело): А, это вы? Здравствуйте. Ну что, не пожалели о своём решении отказаться от куша?

СТЕПАН: Я не пожалел о своём решении, более того, уже успел порадоваться реализованному совету, вижу, ты им воспользовался, и воспользовался с головой!

Люба игриво хмурится, пробегает взглядом от водителя к Гоше.

СТЕПАН: Шикарно выглядишь, Люба!

ЛЮБА (смущённо): Спасибо большое, а вы тоже преобразились. Вы сегодня какой-то особенный, что произошло?

СТЕПАН (довольно подмигнув): Ну, ещё бы, ведь меня впервые за долгие годы... дома... кто-то... ждёт...

Звучит равномерное гудение мотора.

Пассажиры молчат.

Кто-то читает книгу, кто-то листает интернет страницы в своём телефоне.

Люба дремлет, склонив голову на плечо Гоше, нежно улыбается.

Гоша достаёт из внутреннего кармана куртки сложенное вчетверо письмо от отца. Разворачивает его.

Мужской немолодой уже голос вне сцены зачитывает письмо для зрителя от имени отца парня.

«Вот и встретились, сынок...

Знаю, едешь сейчас ко мне, да видно, не успеть уже...

Ждал... признаюсь, ждал тебя очень.

Ждал тебя и ждал дочку. Сам не посмел врываться в ваши начинающие собственный рейс жизни.

Ты знаешь, сын, мне каждый звонок вам давался не просто. Когда-то и я легко приходил в гости к кому пожелаю, и звонил в любое время ещё с телефонных автоматов, кому вздумается. Относился к этому легко. С годами приходит мудрость, понимаешь, что один твой звонок может оказаться очень некстати. Сам был молод, внимания со стороны родителей в те годы мне требовалось в жизни меньше всего. Поэтому я не докучал ни тебе, ни твоей сестре. Не думайте, родные, что я не люблю вас, если не приезжаю и

не звоню. Я не провёл ни дня, чтобы не думать о вас.

Дети... вы знаете, что у нас с матерью не задалось. Всю жизнь как кошка с собакой. Виноваты в том были сами. Я клюнул на её внешность, а она на мои капиталы. В итоге, вас воспитывали два не слишком счастливых человека ищущих тепла на стороне. Простите, нас, дети за это. Не хватило мне мудрости тогда обращать внимание ни на внешнее, а на внутреннее. Не было никого рядом, кто мог бы этому научить. Но не предпринял бы я тогда этих слепых действий, не было бы вас, а значит... всё не зря...

Виню себя за то, что не уделял вам должного внимания. О скольком ещё хотел бы сказать, да чувствую, что удары в груди затихают... Остальное передаст юрист, успел с ним связаться.

Сын, дочь... Люблю вас крепко... всегда любил...

Деньгами не обидел, примите же последний совет от старика...

Смотрите вглубь, дети... всегда... во всём...

Храни Вас Господь!

Антон Григорьевич Кац»

ЗАНАВЕС

Условия постановки пьесы оговариваются индивидуально.

Все пьесы Николая Лакутина представлены в от-

крытом доступе на официальном сайте автора <http://lakutin-n.ru> раздел «Пьесы»